

Раздел II. ПУБЛИКАЦИИ

УДК 82-6+930.25

Иеромонах Иосиф (Королев)

Hieromonk Joseph (Korolev)

ПЕРЕПИСКА СЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА ЗАТВОРНИКА С ИГУМЕНОМ АНТОНИЕМ (БОЧКОВЫМ)

CORRESPONDENCE OF ST. THEOPHAN THE RECLUSE WITH HEGUMEN ANTHONY (BOCHKOV)

Аннотация. В статье впервые публикуются письма игумена Антония (Бочкова) к святителю Феофану Затворнику и ответное письмо епископа. Отец Антоний защищает учение святителя Игнатия Брянчанинова относительно природы ангелов и человеческих душ, высказанное им в «Слове о смерти». Святитель Феофан не соглашается с доводами игумена Антония. Также публикуются выдержки из двух писем отца Антония к различным лицам, в которых автор обсуждает свою переписку с епископом Феофаном.

Abstract. For the first time, the article publishes letters from Hegumen Anthony (Bochkov) to Saint Theophan the Recluse and a response letter from the bishop. Father Anthony defends the teaching of St. Ignatius Brianchaninov regarding the nature of angels and human souls, expressed by him in the «Word of Death.» St. Theophan does not agree with the arguments of Hegumen Anthony. Excerpts from two letters of Father Anthony to various persons are also published, in which the author discusses his correspondence with Bishop Theophan.

Ключевые слова: святитель Феофан Затворник, игумен Антоний

Переписка св. Феофана Затворника с игуменом Антонием (Бочковым)
(Бочков), «Слово о смерти», учение о природе души, учение о природе ангелов.

Key words: Saint Theophan the Recluse, hegumen Anthony (Bochkov), «The Word of Death», the doctrine of the nature of the soul, the doctrine of the nature of angels.

Святитель Феофан (Говоров) оставил большое литературное наследие. После смерти святителя его личный архив был продан родственниками Афонскому Пантелеимонову монастырю. Большую часть «Феофановского фонда» составляют письма святителя к различным лицам. Особый интерес представляет переписка епископа Феофана по поводу сочинения святителя Игнатия (Брянчанинова) «Слово о смерти». Эта книга, вышедшая в свет в 1863 г., послужила причиной спора между двумя святителями по поводу телесности духов. В 1865 г. святитель Феофан пишет письмо епископу Игнатию, в котором называет мысль о вещественности души «неправославной и опасной» [5, с. 109]. Таким образом, он высказал мнение о простом устройстве ангелов и душ. В свою очередь, святитель Игнатий продолжил защищать свою позицию о природе душ и ангелов. В ответном письме епископу Феофану он писал: «В собственном смысле — невеществен Один необъемлемый пространством — Бог. Духи сотворенные бесплотны по отношению к нам» [5, с. 110]. В 1867 г. уже после смерти святителя Игнатия в Тамбове епископом Феофаном была издана книга — «Душа и ангел — не тело, а дух. Против брошюр: „Слово о смерти“ и „Прибавление к Слово о смерти“» [3].

Однако в конце 1869 г. святитель Феофан получает письмо от игумена Антония (Бочкова)¹ с критикой своей книги. Отец Антоний —

---

¹ Антоний (Бочков; 1803–1872), игумен. Уроженец Санкт-Петербурга, происходил из богатой купеческой семьи, получил образование в одном из лучших иностранных пансионов. В начале 1820-х годов женился на дочери богатого купца-сахарозаводчика. В 1824 г. у супругов родился сын, а в 1827 г. жена умерла. Пережив тяжелое психическое расстройство, дал обет в случае выздоровления уйти в монастырь и в поисках созерцательной монашеской жизни несколько лет путешествовал по разным обителям как паломник. В 1837 г. поселился в Троице-Сергиевой пустыни близ Петербурга, настоятелем которой с 1834 г. был Игнатий (Брянчанинов), ставший для него наставником и другом. Впоследствии они много лет состояли в духовной переписке. С 1844 по 1846 гг., числясь в Троицком Гуслищом монастыре Полтавской епархии, проживал в доме епископа Полтавского Гедеона, который постриг его с именем Антоний (5 ноября 1844 г.). Рукоположенный во иеродиакона (3 декабря 1845 г.) и

ученик и друг святителя Игнатия. В своем письме он приводит аргументы в защиту «Слова о смерти», так как его наставник «своими критикам отвечать не может».

Святитель Феофан, уже находясь в затворе в Вышенском монастыре, пишет ответ своему оппоненту, в котором продолжает отстаивать свои взгляды. К сожалению, ответ Вышенского затворника не удовлетворил игумена Антония, и он продолжил полемику с владыкой.

Святитель Феофан не ответил на письмо отца Антония и в 1869 г. публикует в журнале «Домашняя беседа» свое новое сочинение «Душа и ангел не есть нечто телесное, а чистый дух», в котором продолжает вести полемику со «Словом о смерти» и с лицами, защищающими это творение святителя Игнатия.

Интерес представляют и два письма игумена Антония, находящиеся в НИОР РГБ. Одно письмо адресовано к супругам Петру Ивановичу и к Поликсене Васильевне Соломон, другое — предположительно к насельнику Оптиной пустыни. В письмах автор сетует на то, что святитель Феофан не соглашается с его мнением.

Публикация данной переписки дает возможность лучше изучить наследие святителя Феофана в первые годы его затвора, а также ознакомиться с аргументами его оппонентов в богословском споре XIX в.

12 декабря 1868 г.²

Письмо игумена Антония (Бочкова) епископу Феофану

«Преосвященнейший Владыко, Милостивейший Отец и Архипастырь!

во иеромонаха (спустя 4 дня), перешел в Старо-Ладожский Николаевский монастырь Петербургской епархии (1846 г.). Возглавив с июня 1862 г. заштатный Черемецкий Иоанно-Богословский монастырь и немало потрудившись для его восстановления, через четыре года уволился по собственному прошению от настоятельства (1866 г.) и до апреля 1871 г. проживал там на покое. Весной 1871 г., по приглашению настоятеля Николо-Угрешского монастыря архимандрита Пимена (Мясникова), поселился на покое в уединенном домике Петропавловского скита. Однако вспыхнувшая через год в Москве эпидемия тифа и обращение митрополита Московского Иннокентия к монашествующим с призывом послужить больным и умирающим побудили отца Антония одним из первых явиться в переполненную Екатерининскую больницу для чернорабочих на Страстном бульваре и сразу же приступить к совершению треб. Непомерная нагрузка подорвала его силы, что привело к заражению и скорой кончине.

² Отметка о получении письма рукой свт. Феофана Затворника.

Нижайше испрашиваю Вашего Архипастырского благословения и святых молитв и дерзаю беспокоить Ваше Преосвященство моим, может быть, неуместным вопросом. Благоволите сказать: Вы ли автор Тамбовской книжки, написанной противу „Слова о смерти“ или ин кто другой?

Но ежели Вашему Преосвященству не благоугодно будет дать ответ на мое смелое вопрошение, то удостойте взглянуть на прилагаемое при сем возражение противу книжки „Душа и ангел — не тело, а дух“.

Напечатать свое возражение я бы не желал даже в „Тамбовских епархиальных ведомостях“, потому что монаху русскому подобает молчать, увы: по многим причинам. Но предоставляю и то на волю Вашу. Если автор потрудится или письменно или печатно сделать свои замечания на мои легкие страницы, то приму с благодарностию. Если ответ будет печатный и в „Тамбовских ведомостях“, то потрудился бы автор выслать их по адресу, а деньги за журналы немедленно вышлют.

Бог привел меня жить с покойным преосвященным Игнатием. В его пустыни преподобного Сергия положил я начало монашеской жизни в 1837-м году, оставя дома, сына и порядочное состояние спасения ради. Потом жил при отце Леониде³, о котором написал несколько строк в книге „Оптина пустынь“; жил при о. Макарии⁴, знал старца Исаию Никифоровского⁵, имел честь видеть однажды Ваше Высокопреосвященство у одного из Викариев Санкт-Петербургских. Вы были тогда в комнате его с бывшим архимандритом Феодором⁶. Был я духовником Ладожского Никольского монастыря, библиотекарем в Тихфине и наконец почти невольным настоятелем в Черменецком Богословском монастыре и отказался от настоятельства в конце прошлого года. Простите это невольное светское заявление о своем ничтожестве. Ни старцы, ни монашество не сделают человека лучшим, если он сам не потрудится в своем звании. Трудami своими

---

³ Леонид (Наголкин; 1769–1841) — преподобный, старец Оптиной пустыни.

⁴ Макарий (Иванов; 1788–1860) — преподобный, старец Оптиной пустыни.

⁵ Исаия, старец Никифоровской пустыни — выдающийся подвижник и делатель умной молитвы. Был монахом в Александро-Свирском монастыре Олонецкой епархии, с 1846 г. — строитель Никифоровой пустыни.

⁶ Возможно, речь идет о бывшем (с 1863 г.) архимандрите Феодоре (Бухарева; 1822–1871).

похвалиться не могу; одно скажу: вся жизнь прошла в чтении всего, что попадалось под руки на русском и французском языке. Следы этого нескладного чтения увидите и в предлагаемых листках.

Для преосвященного Игнатия достал я по его желанию Библиотеку Patrum⁷, а в Тихфине оставил порядочное собрание своих книг, которые были первыми собеседниками моей уединенной и в настоящем состоянии жизни.

Я отчасти знаю причины написания „Слова о смерти“. 30 лет тому ученики Фесслера, Канта, Шелинга, Гегеля не обучались ни патристике, ни аскетике. Еще до Ренана⁸ показалась на русском языке слабая книжица Смоленского кладбища священника Красноцветова, кажется, „Жизнь Иисуса“⁹, запрещенная по указаниям преосвященного Игнатия¹⁰ и его наместника Феофана Комаровского¹¹, нынешнего Соловецкого архимандрита.

Рационализм царствовал в светских училищах и забирался в Ваши академии. Преосвященный Игнатий досадовал на это направление,

---

⁷ Bibliotheca veterum patrum antiquorumque scriptorum ecclesiasticorum Graecorum et Latinorum. Venetia, 1765–1781. Vol. I–XIV.

⁸ Ренан Жозеф Эрнест (1823–1892) — франц. философ и писатель, член Французской академии.

⁹ Речь идет о книге: Красноцветов С. И. Библейская история в пользу детей. Часть II. История Нового Завета. СПб. 1837.

¹⁰ Красноцветов Семен Иванович (1804–1858), протоиерей. Будучи бакалавром общей гражданской истории Санкт-Петербургской ДА, в 1830 г. рукоположен в священника Крестовоздвиженской церкви при миссии в Швейцарии; с 1832 г. служил в Смоленской кладбищенской церкви в Санкт-Петербурге; с 1844 г. священник Воскресенского Смольного собора и законоучитель в Смольном Институте; с 1849 г. служил протоиереем в Александро-Невской Лавре; с 1854 г. — настоятель Спасо-Сенновской церкви; с 1857 г. — настоятель Воскресенского Смольного собора, благочинный, член Духовной консистории.

¹¹ «Когда священник Красноцветов издал „Историю Нового Завета“, в которой говорилось, что Божия Матерь по рождении Богочеловека перестала быть Девой, и множество подобных хул, то многие из петербургского духовенства ужасно рассердились на меня за то, что я в Сергиевой пустыни остановил эту книгу и препроводил ее к высшему начальству. Подобное видно и в церковной истории: духовник Констанция, арианин, постоянно действовал против святого Афанасия, патриарха Александрийского; так и ариане постоянно направляли императрицу Иустину против святого Амвросия Медиоланского. Поборники Церкви всегда были гонимы. Слава Богу!» [4. Письмо № 207].

Феофан (Комаровский; 1808–1871), архимандрит. Из дворян, закончил инженерный институт. Был послушником в Кирилло-Новоозерском монастыре при духовном руководстве старца Феофана (Соколова). После назначения арх. Игнатия (Брянчанинова) настоятелем Сергиевой пустыни перешел туда и в 1835 г. принял монашество и рукоположение в иеромонаха. С 1836 г. по 1841 г. был наместником в Сергиевой пустыни. Около 1846 г. назначен игуменом в Кирилло-Новоозерский монастырь, в 1852 г. возведен в сан архимандрита; в 1857 г. перемещен в Кирилло-Белозерский монастырь, в 1865 г. — в Соловецкий.

собирался вступить в борьбу с этими духами, учился у святых отцов, запасал оружие на случай явной борьбы.

Это заставило его опереться, как на якорь спасения, на отеческие монашеские книги. Он усвоил себе многие приемы отеческих слов, даже их уподобления от великого к малому: сравнение Моисея с умом человеческим, выходящим из Египта, то есть из рабства греха. Я не соглашался с ним во многом и слышал от него однажды выражение: „Хочу лучше ошибаться с отцами, нежели умничать с рационалистами“.

Немудрено было увлечься, когда вспомнишь о начале его настоятельства, о борьбе со многими, многими, об уступках вольных и невольных и о прочем необъяснимом, то есть об отношениях его к самим властям.

„Слово о смерти“, по мнению моему, напрасно коснулось вида и природы ангелов. Также и тамбовская книжка по моему слабому понятию напрасно написана вопреки. Соборного определения нет. Для чего же наши, никому ненужные доказательства? Немного найдется учеников преосвященного Игнатия, способных всмотреться в его книгу. Остальные говорят с ветру, особливо женщины. Стоило ли писать противу них?

Вот все, что я осмеливаюсь сказать предварительно. Если Ваше Преосвященство решите отослать мне мои листы без ответа, то и тогда я останусь при моем глубочайшем почтении к Особе Вашей, известной мне по слухам еще в Иерусалиме в 1847 году, потом по аскетическим письмам Вашим и по любви Вашей к монашескому безмолвию. Вашего Преосвященства низжайший послушник многогрешный игумен Антоний.

Припоминаю, что я удостоился видеть Ваше Преосвященство, когда были мы вместе: я и А. П. Башуцкий¹² у преосвященного викария Петербургского. С Александром Павловичем мы родились в один год 1803 года, оба в марте, учились у одних учителей, только А. П. был сын генерала, а я купеческий сын, фамилия моя была Бочков. Видел я некогда у А. П. очень отчетливое изображение Голгофско-

---

¹² Башуцкий Александр Павлович (1803–1876) — статский советник, писатель, журналист, издатель.

го придела Вашей работы¹³. А. П. очень ослабел в своем здоровье, так же добр, как и прежде, и готов всем служить безмездно, забывая пределы времени и своих сил. Хотя я давно не видал его, около 5 месяцев, но осмеливаюсь поручить и его, как своего духовного сына, Вашим Архипастырскими молитвам.

Если напечатать мои замечания будет Вам угодно, то предоставляю выключить все, что найдется оскорбительного. Я еще сомневаюсь, что автор тамбовской книжки и Ваше Преосвященство одно лицо. Но имени моего покорнейше прошу не выставлять, кроме литер „и. А“.

Адрес мой. в г. Лугу, Санкт-Петербургской губернии, в Черменецкий монастырь, игумену Антонию.

Несколько слов противу тамбовской книжки:

„Душа и ангел — не тело, а дух“, направленной противу „Слова о смерти“ преосвященного Игнатия

Святитель и аскет, первый монашеский писатель, ныне почивает в Бозе и своим критикам отвечать не может. Защищать его сочинение мне не по силам, но и молчать грешно, когда ему приписывают какие-то странные, просто детские мысли.

Тамбовский критик почти на 180 страницах силится доказать, что пр. И. под ангелом и душою разумел одно тело.

Дозвольте спросить Вас, господин Критик. О каких ангелах говорит преосвященный. Об ангелах Православной Церкви. Неужели он отнимал у них духовные способности и свойства? Если этого не могло быть, при здравом его смысле, то для чего же Вы почти до конца книги сражались противу фантомов собственного Вашего воображения и бьете беспощадно, как говорите Вы? Да кого же Вы поражаете? Собственных Ваших автоматов.

Сами Вы привели изречение Тертуллиана: все что есть — тело есть. И сами подтвердили: мысль верная. Чего же более?

---

¹³ «В Иерусалиме иеромонах Феофан пересматривал и поправлял свои прежние труды и нарисовал красками Св. Голгофу в немалом размере с замечательною точностью и выдержкой подробностей сего святого места» (из «Отчета об ученых и художественных занятиях Духовной миссии в Иерусалиме в течение 1854 г.» архимандрита Порфирия (Успенского). [1, л. 29–29 об.] Из письма свт. Феофана к арх. Петру (Троицкому), инспектору КДА от 8 ноября 1855 г.: «Голгофа моя сдана уже Плюшару для отпечатания. Постом, вероятно, выйдет — не сим, а Великим» [2, л. 1–2 об.]

П. И. под телом разумел не бездушное тело, а сущность, неделимую личность ангела, не смешанную с другими предметами, потому что все нам понятное в существах ограничено. Если отнять у них, как Вы хотите, и место, и границы, и измерение, и очертания, то из этого выйдет смесь, умственная тьма. Тогда архангела Михаила нельзя будет отличить от Гавриила и Гавриила от ангелов других иерархий. Где число — там непременно и границы. Но и из Вашего определения можно вывести, что ангелы так безвидны, что не видят и один другого; нет им образа и места, потому что они духи.

Если св. апостол Павел говорит о Третьем Небе, то предполагает несколько небес. Все они отделены конечно пределами; иначе 1-е будет 2-м, а 2-е 3-м. Вдумайтесь, прошу покорно. Если Вы хотите мыслить как-то духовно, без понятий, то мы, грешные, этих отвлеченных мыслей постичь не можем, да и Вы едва ли ответите, что такое душа сама по себе, что такое дух сам по себе? Вы только повторите затверженные лекции о духовных свойствах, а не о сущности. Под именем тела разумеем мы все имеющее определенную величину, хотя бы и воздух.

Духовными телами разумеются и ангелы со всеми их духовными свойствами: святостию, умом, любовью, силою. Неужели Вы могли хотя на минуту в том усомниться? Ангелы „Слова о смерти“ — ангелы Евангельские, уверяю Вас.

Потрудитесь повторить собственные Ваши страницы: 94–131, 180. Вы уж и спохватились, колеблетесь, говорите, что спорить не о чем; так Вы, так мы — балансируете Вы. Готовы уже согласиться, что не поняли п. И., но останавливаетесь, потому что полное сознание в ошибках не в духе богословия. Богословы спаривали вечно и никогда не сознавались в своих промахах. Дольше 1000 лет спорит и не сознается в своих заблуждениях латинская церковь и никогда не согласится признать себя побежденною¹⁴. В Вашем предисловии говорите Вы, что надобно читать только Ваши последние 7 страниц, а слишком 170 — и отложить можно. Но и тут является богословская неуступчивость. „Надобно разбить брошюру во всех пунктах“, — говорите Вы. Да кто же с Вами сражаться будет?

Если б Вы взглянули на другое превосходное слово п. И. „О чув-

---

¹⁴ По мнению старца Паисия. — Примеч. иг. Антония.

ственном и духовном видении духов“, то многое бы Вам пояснилось.

Но отдадим справедливость Тамбовской брошюре, в чем за нею остается победа. Видно, что автор ее и богослов и христианин в глубине души: это доказывается его взглядов на запальчивое выражение п. И., который назвал богохульством всякое применение Бога, яко Духа к сотворенным Его же благодию духам. Противу этой мысли сказано много правильного и, что всего лучшее, кратко. К этому возражению осмелимся прибавить от себя немного. Если Сын Божий не погнушался воспринять, Им сотворенное человеческое естество и в этом образе кратко и смиренно беседовать с нами, то почему же Ему не явить себя и ангелам ангельски, так же тихо, не откидывая их Своим величием, а приближая к Себе любовь.

Богословская наука видна и в первых страницах, где критик доказывает, что п. И. неточно и неполно выписывал из латинских писателей и отцов Церкви, хотя предположить можно, что он не заботился о излишней точности. Я не намерен рассматривать тамбовскую книжку вполне, да и она, говоря о Слове п. И., приводит из него одну или две строчки, богословствуя сама от себя.

Она начинается разговором православного с неким старцем католиком, который отстаивает и Бержье¹⁵, и Перонне¹⁶, и Фому Аквинского¹⁷, и Латеранский Собор. Не понимаю причины этого длинного вступления и этих похвал латинскому богословию: сделано это будто бы для того, чтобы показать ошибочное мнение пр. И. А мне кажется, что все это выставлено для показа своей богословской учености.

Доколе длится разговор с католиком — все идет прекрасно, вежливо, в границах благородного тона. Наговорено много и в подкрепление „Слова о смерти“ о телесности духов в том смысле, что определенного мнения не было о том даже у римлян до Латеранского Собора. Но для нас этот Собор не закон.

Но вот начался разговор со своим братом, ученым монахом, русским старцем. Тут, на вот, закипело ретивое, пошли целоваться и об-

---

¹⁵ Бержье, Николя-Сильвестр (1718–1790) — католический богослов-апологет.

¹⁶ Перонне Джованни (1794–1876) — итальянский богослов, иезуит.

¹⁷ Фома Аквинат, иером. (ок.1225–1274) — итальянский католический богослов, крупнейший представитель схоластической философии.

ниматься, кажется с „Домашнею беседою“. Тут и Бюхнер¹⁸, и шафт, и крафт и кончилось на следующей 26-й странице кашею. Но слава Богу, что скоро кончилась эта игра под ножку (стр. 17.); философия преодолела и все опять пошло чинно, хоть и скучновато. К концу кое-где блеснула опять эта семинарская веселость в словечках: ну же ка, ну же. И! и! благодать Господня! Но и за то приносим благодарность автору, что не далее продлились эти шалости, которым мы надивиться не можем, как попали они в такое глубокомысленное сочинение, и просим автора, если он охотник до шуток, не шутить своим предметом и не глумиться над памятью усопшего Святителя.

Зачем останавливаться на внешности, на слоге, скажут мне. Ох! Поневоле остановишься, когда вспомнишь о благородном, строгом, чисто монашеском слоге п. И. Думал ли ты, в Бозе почивающий праведник, что тебя поставят наряду с Бюхнером? Если б ты был жив, как оскорбилось бы твое горячее сердце, какое воздыхание ты вознес бы ко Господу, праведному Судие! Ты, конечно, сумел бы ответить и нынешнему твоему критику, как ответил добропобедно и М-му¹⁹; но блажен ты, что кончилась твоя борьба со школою, которая произвела Бухарева!

Я знал п. И. тридцать почти лет, жил с ним два года неразлучно, слышивал его непритворные речи, и к нему, яко живому, обращаю мое плачевопльствие, не выпуская из вида и Тамбовской книжицы.

Зачем ты, Святителю Христов, в „Слове о смерти“ снял с себя смиренную мантию монаха и облекся в мантию Доминуса-богослова²⁰, которая ныне ими самими немного уважается²¹. Зачем взял грифель математика, защищая всеобщую истину, что все существующее имеет границы и очертания, без чего оно или слито с другими предметами, или вовсе не существует? Лучше бы, оставя и математику и химию, опереться на одних любимых твоих писателей: Макария Великого и Кассиана Римлянина и на Четьи-Минеи, которым ты младенчески веровал, не мудрствуя лукаво! Ты бы мог повторить

---

²⁰ Доминус (лат. dominus)-богослов — господин богослов (лат., русск.).

²¹ Надгробное слово Янышева профессору Карпову. — Примеч. иг. Антония [6]. Янышев Иван Леонтьевич (1826–1910), протопресвитер. С 1866 г. по 1883 г. был ректором Санкт-Петербургской духовной академии, с 1883 г. до своей смерти — духовник императорской фамилии, с 1905 г. — член Святейшего Правительствующего Синода. Карпов Василий Николаевич (1798–1867), профессор философии; преподавал в Киевской, с 1833 в Санкт-Петербургской духовных академиях.

Евангельскую историю с книжниками, в ней же Спаситель вопрошает их: *Крещение Иоанново с небесе ли бе?*²². И тебе бы спросить новейших книжников: видение Феодорино истинно ли, или нет? И тебе бы ответили по-фарисейски: не знаем. „А если не знаете, — мог бы ты сказать, — то я признаю его истинным, закону естественному сообразным, с законом Евангельским согласным, и продолжаю мое Слово о смерти, опираясь на это видение и на Четьи-минеи“. Умолкли бы книжники. Говорить вопреки — значит возбудить ропот негодования в народе, который признает это видение не ложным, почитает его в иконе Страшного Суда, читает его в книгах святителя Димитрия, покупает тысячами маленькими книжками в лавках и Синодальных лавках. Фарисеи согласились бы с тобою при свидетелях и посмеялись бы над тобою в своем кружке и над видением Феодоры, как издеваются над повестью Иоанна Новгородского и Антония Римлянина, и над другими монашескими чудесами, называя монашество черно-божием в своих интимных кружках²³. Посмеялись бы до света за папиросами и сигарами, которые доселе прячут, как и свое безверие. Но при свидетелях противостать бы не посмели, опасаясь за свои пенязи и камилавки. И прекрасное твое, теплое Слово прошло бы без печатных глумлений. Увы! Напрасно ты взошел на многоступенную кафедру: она тебя не возвышала. Епископ Игнатий не стал выше послушника Дмитрия Брянчанинова, написавшего „Плач инока“ в таком возрасте, когда этот труд был едва под силу и многолетнему монаху-богослову. Послушник и монах — таково было твое назначение. Сочинения твои так дышат жизнью, где ты остаешься монахом и холодны, как подражание праздничным словам ритором.

Если ты ошибся, называя души телами, то с тобою ошиблись Кассиан Римлянин и Макарий Великий и, что всего удивительнее, сам св. ап. Павел, написавший в 1-м послании к Коринфянам (зач. 162); *тела небесная и тела земная. Сеется тело душевное, восстает тело духовное. Есть тело душевное, есть тело духовное. Но не прежде духовное, но душевное, потом духовное*²⁴. Почему бы св.

---

²² Лк. 20:4.

²³ Выражение, приписанное Павскому в книге великого некоего критика, написавшего за границую 2 тома о белом и черном духовенстве.— *Примеч. иг. Антония.*

²⁴ 1 Кор. 15:40, 44, 46.

апостолу не сказать: существа духовные? Нет, он говорит: тела душевные, тела духовные. Пусть толкуют, как умеют, апостольские слова; пусть применяют к чему угодно, но апостол XVIII веков во услышание всем, громогласно вопиет: есть тело душевное, есть тело духовное!

Усопший Святитель обитает уже в тех местах, где живут и славят Бога святые ангелы, где обитают праведные; теперь известно ему достойны ли небеса ангелов. Но эти обители и соображение в них названы Тамбовской книжкой грубыми, недостойными и Бога и ангелов. Взгляните и подивитесь. „Не могу допустить, — говорит Тамбовская книжица, — именно, что есть особое место, где ангелы чувственно живут, чувственно одеваются, чувственно питаются, чувственно обращаются, чувственно имеют жилища, хотя эта чувственность признана тонкою“. На это я никак согласиться не могу. Это, по-моему, грубо, при всей допускаемой утонченности, низко, недостойно ни Бога, ни ангелов.

Видите ли, сколько начувствовано, чтоб поразить читателя. В чем обвиняли пр. И. и сами стали повинны. Погорячились. Но не лучше ли было просто сказать: все это нам, живущим на земле, непонятно. Нет, автор тамбовской книжки возглашает, яко Цицерон: „Не хочу, не допущу“. Но ежели ангелы живут на небесах, в телах небесных, одеваются светом, яко ризою, во одежду славы и благолепия, обращаются яко Серафимы, посылаются на дела, Богу известные, пьют вино новое (см.: Мф. 26:29) во царствии Отца небесного, во Иерусалиме нерукотворенном, то в чем же они провинились перед новейшею критикою?

„Нет им ни места, ни вида, ни очертания, ни измерения“, — твердит неоднократно тамбовский критик. „Нет ангелам места, нет и неба“, — скажем мы. Но где же оно, это умственное, духовное, никому не известное небо? Конечно, в головах богословских. Но как же там ангелы останутся, если на этих небесах такая же атмосфера, как в некоторых духовных академиях²⁵?

Если небесные обители недостойны ангелов, то, по-вашему, и образ человеческий кольми паче им неприличен? Но ежели Сын Божий облекся в этот образ и прославил его на Фаворе, то почему и ан-

---

²⁵ Письмо М. Филарета № 26 в записках Сушкова. О табачном курении в Московской академии. — *Примеч. иг. Антония.*

гелам не принять его из любви к Ангелу великого совета Еммануилу. На древних иконах изображается Господь в виде Ангела-человека между Михаилом и Гавриилом архангелами. Эта икона ставилась за крылосом. В виде огненного Ангела изображается Бог Слово на иконе Софии Премудрости Божией.

Спросили однажды скульптора, устремившего глаза на древнюю статую: „Что вы так прилепились очами к мужской наготе?“ „Для меня она выше всего, лучше всего на свете“, — отвечал художник. „Как? Лучше солнца и луны и всего видимого мира?“ — „Лучше всего на свете. Посмотрите, как волнуются эти телесные облака около костей. От головы до ног какая стройность, какая красота, соразмерность! Ничего нельзя прибавить, кроме крыльев и ничего отнять невозможно. Если бы эта статуя ожила и двигалась, я вечно бы глядел на нее, не уставая. Что ни движение, то красота, что ни оборот, то картина, красота вечная, никогда не утомляющая. Не согласны? — спросите Рафаэля“. — „Да где ж его взять? Не вызывать же: мы не спириты“. — „Ну спросите первого скульптора“.

Оставим мы этого восторженного художника, но согласимся с ним, что в это телесное небо, в эти облачные формы Сын Божий облечся не напрасно. Человек — лучшее дело великого Зодчего, Ваятеля и Живописца. Колорит тела — цвет вечернего облака с синими жилами. Не напрасно красоту человека боготворили греки и римляне и любовались ею на Олимпийских играх и на своих аренах и воспел ее Гомер и поэты.

Если ангелам дать другой вид, то неужели глобус, пирамида, пламенный, лучше человеческих форм, как толковали схоластики-философы средних алхимических времен. Думаем мы, что кроме человеческого вида, ангелы по желанию своему и по воле Божией могут воспринимать достойные их виды, а свет, окружающий их легкие, небесные тела, может принимать вид одежды, белый, яко снег, блистающий как молния. Тогда вовсе излишне, как толкует тамбовский критик и некоторые богословы, притягивать к себе стихийные частицы, как магнит железные опилки, фабриковать из них одеяния и даже тела ангелам из помраченного стихийного мира и потом снимать лица как маски и платья сдавать в какие-то гардеробы, как изволит шутить почтенная книжица.

Мы знаем из самых простых физических опытов, что и наше че-

ловеческое тело не лишено внутреннего огня, который является и наружу в виде искр из наших волос и оконечностей, а ясновидящие (если допустить хоть в малое тому доказательство их видения) видели человека, окруженного целою ореолою света.

Но, оставляя эти физические и магистические доказательства о находящемся в нас и около нас свете, укажем на древние иконы.

Спаситель воскресший, изводящий из ада праотцев, окружен овальной ареолою света; при успении Матери Своей представлен в той же ареоле, до краев которой касаются или окружают ее серафимы в виде венка; на иконе Вознесения понятливые греки изображают Его, возносимого на облачном престоле, окруженного дугою или кругом сафирного цвета: этот круг поддерживают ангелы, не касаясь до одежд и тела Христова. Вопреки всем объяснениям тамбовского критика, на иконе Успения Спаситель держит на руке душу Матери Своей в виде младенца в легкой, младенческой, белой одежде. Если не ошибаюсь, в таком виде написаны и обе чудотворные иконы: Киевского и Московского собора.

Мимоходом указавши на изображения, всем известные, не подкрепляя ими преданий о человеческом образе души, продолжаем наши указания о свете внутреннем и внешнем, который для прославленных тел заменяет всякую одежду, избавляя их от всякого материального облачения.

Конечно, критик знает о нескольких соборах времен Палеолога Андроника, знает историю Фаворского света, когда великий Солунский святитель богословствовал о свете тела Христова и доказательствами поразил Варлаама и Акиндина — этих Бержье и Перонне своего времени²⁶. Григорий Палама при всей святости и современной учености, и начитанности, и свидетельствах внутренних не избежал жестокой, завистливой критики Никифора Грегорала.

Для умников нашего времени собор Григория Паламы есть камень соблазна, как и умная молитва, которую они не понимают. Один из наших духовных, переводивший некогда Флери²⁷ на русский язык,

---

²⁶ L'Histoire du Bas Empire par le Bea. Я оставил эти 20 томов в Тихвинской библиотеке и ныне только ощупью вспоминаю читанное. Там же лежит и Fleury, мне принадлежавший. Не думал я в 66 лет, что придется вспомнить об тех и пожалеть, что не имею теперь их под руками. — *Примеч. иг. Антония.*

²⁷ Флэри Клод (1640–1723) — историк церкви, член французской академии.

передал слово в слово без оговорок хулы латинских писателей на афонских монахов²⁸. Почтенный протоиерей и не слыхивал, что такое внутренний свет и что такое умная молитва. В такой же духовной слепоте живет и большая часть современных нам академиков, весьма хорошо понимающих мудреные и головоломные тезисы Канта, Шеллинга и Гегеля²⁹.

Кроме света³⁰, окружающего человека, может быть и еще отдаленнейшая, собственно ему принадлежащая, воздушная атмосфера. Воздушные темные духи могут действовать на нас и посредством этой сферы. Наше тело может чувствовать их прикосновение, слышать их шепоты, как чувствует оно перемены атмосферы в затворенной комнате и даже весьма издали ощущая, как барометр, приближение этих воздушных ветров. Мы знаем, что искры телеграфа могут рисовать фигуры за тысячи верст. Духи тьмы, по своей все еще тонкой и в падении, природе могут легионами помещаться и внутри человека по Евангельским свидетельствам. Человек разумеется не одно тело.

Что касается до многократных вопросов критика: если душа тело, где опять душа этого тела? Если на это только темно ответим: все это духовное тело и есть вполне душа, или вся эта душа и есть духовное тело, но это будет для иных темно, для иных понятно, потому что мы иногда понимаем без слов, которых нет или очень мало для объяснения духовного мира. Но лучше, не объясняя и не стыдяся, скажем не по-фарисейски, а просто: не знаем. Прибавить можно: дозволены ли христианам такие пытливые вопросы; не принадлежат ли эти тайны к тем, которые запечатлены Небесным Отцем навсегда от любопытства неопытных детей, и для этих тайн нет ключа, по словам митрополита Филарета, в письме его о спиритизме³¹? Даже разглагольствия о виде души дозволены ли нам? Вот вопрос.

---

²⁸ Казанского собора прот. Бедринский, переводивший Флери очень плохо. Издание это исчезло. Я видел только разрозненные его томы. — *Примеч. иг. Антония.*

²⁹ Если тамбовский критик есть лицо известное и всеми без исключения уважаемое и за жизнь, за ученость, и за аскетизм, то эти строки не к нему относятся. — *Примеч. иг. Антония.*

³⁰ См. Ноябрь. Странник. Явление Павла Тобольского митрополиту Евгению Болховитинову. Павел Тобольский явился окруженный светом. Мощи его лежали близ и конечно не встали из гроба при явлении, а во что же облекся митрополит Павел? В новое стихийное тело? Так выходит по разуму тамбовского критика. — *Примеч. иг. Антония.*

³¹ См.: [8].

Их допустили неумышленно преподобные и коснулись до них богословы, надеясь на свой ум, но что решили, что узнали?

Может быть, как сказал я выше, п. И. лучше бы поступил, если б вовсе не затронул этого вопроса, невозможного для разрешения, несмотря ни на какие Латеранские Соборы. Критик тамбовский сделал шаг к материальному, несравненно далее п. И. Тот допускает ангелам одни эфирные тела, а этот облакает уже ангелов в плоть и кровь, утверждая, что они из стихий мира сего принимают все это на время и снова все это разлагают или отлагают при возвращении в свою духовность. Но тело человеческое не эфир: его снять нелегко; воспрियाвши его, Сын человеческий остается в нем до сего времени при всей тонкости сего прославленного тела.

Преосвященный Игнатий, может быть, и вооружился противу таких своевольных Латеранских судов, выставляя свое, более духовное мнение и привел в доказательства наши предания. Все это со смертью его — тайна.

Еще мало обращусь на эти западные мысли, якобы ангели восприемлют на время плоть из наших стихий. К чему пристягнуть эти железные опилки, если у ангела нет никакого, даже духовного тела? Сделайте милость: объясните. Ведь эти опилки составят только железную клетку без птицы. Ведь ангел Бержье есть только умственное нечто или просто ничто, мелее нежели призрак.

Одна из учениц п. И. сказала на это экспромт:

„Вот напечатана в Тамбове чья-то книжка

И в ней доказано, что ангел есть пустышка“.

Не знаю, что понятнее, что ближе к естественному закону ума и чувства нашего — признать ли ангелов тонким, легким небесным телом со всевозможною святостию или допустить, что они не имеют ничего: ни вида, ни тела, ни измерения, что нет для них никаких обителей, ни места пребывания, что они на время принимают наше тело и потом его слагают или умирают; сложение от себя плоти есть смерть. Вот к чему доведут эти неуместные словопрения. Не лучше ли сказать, что Церковь о том не сделала определения, хотя бы и нашли толкователи³².

---

³² Праведный Лот и св. апостол Петр, давшие руки в руки ангелов, могли иметь только ощущение телесной руки, а не собственно плоти. Это мы часто ощущаем во сне. — *Примеч. иг. Антония.*

В заключение всего тамбовский критик молит Бога вселить душу усопшего раба Его п. И. в места покойна, злачна и светла. В какие же места? Ведь господин Критик доказал, что мест ни усопшим, ни ангелам нет и быть не может, что он этого не допустит. А младенческая вера и монашеский разум преосвященного Игнатия, неутомленный тонкостями новейшей философии, допустил признать то, что видел евангельский младенец св. Андрей юродивый.

Исповедаются, Отче, Господи небесе и земли, яко утаил еси сея от премудрых и разумных и открыл еси та младенцем (Мф. 11:25).

игумен Антоний.

Примечания. Все, что говорится о сферах человеческого тела огненной, воздушной, хотя бы я мог подкрепить новейшими изысканиями, но не выставляю за верное³³. Познать человека может только дух, живущий в нем; но если этот дух нам самим неизвестен, то мы, при всех гаданиях во тьме ходим, отыскиваем ощупью, пустившись дерзновенно в глубины нашего умственного лабиринта. Слова о сферах вызваны странными мнениями о каких-то воплощениях ангелов на краткое время и о их исчезновениях, с откидкой заимобразно взятого земного тела. Если мое мнение не подкреплено более, то и противное такожде».

Архив Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне.

Ф. Свт. Феофана.

Оп. 24. Д. 43. Ед. хр. № 4370. Л. 15–16 об., 19–24 об.

13 января 1869 г.

Письмо епископа Феофана к игумену Антонию (Бочкову)

«Ваше Высокопреподобие, Милостивый Отец!

Прошу извинить мою неисправность, что так долго не отвечал Вам. Когда получил я Ваше не приятное писание, был занят небольшим делом и отложил ответ Вам до святок; а на святках встретилось другое дело. Управившись теперь и с этим, спешу начать с Вами беседу.

Старец, ведший беседу о душе и ангелах — точно Вышинец. Я передал ему, в чем Вы пеняете на него. Сознает вполне себя виновным в допущении некоторых выражений, от которых лучше бы воздер-

---

³³ Открытие барона Райхенбаха од-магнетизма или эфирного тока двуцветного, окружающего человека. — Примеч. иг. Антония.

жаться, и просит читающих обращать внимание на сущность дела, а не форму речи. О дальнейших же Ваших заметках вести с Вами речь поручил он мне.

Благодарствую за доверие Ваше, с каким обратились Вы ко мне. Мне это тем более приятно, что очень хотелось поговорить с кем-нибудь из разделяющих мысли преосвященного Игнатия о естестве ангелов и душ, чтоб удостовериться точнее на чем держится у них убеждение в истине их взгляда на этот предмет. И давайте говорить откровенно, руководясь одним желанием увидеть истину, которая от кого-нибудь из нас да прячется. Вместо печатания наших заметок и противозаметок лучше перетолковать о всем посредством переписки и <нрзб> доведши дело до конца, а потом, если что из всего высказанного окажется дельным, можно поделиться тем и с другими.

Прежде всего, установить надобно понятие о предмете спора, чтоб, в самом деле, не бороться с фантомами. Если точно преосвященный Игнатий, называя души и ангелов телами, хотел сказать этим только, что они суть сущности или личности неделимые, не смешанные с другими предметами, суть самостоятельные субстанции, как говорят ученые; то и спору конец. Если б в *Слове о смерти* и в *Прибавлении* к нему это выражено было ясно и трактование о сем предмете не давало другого совсем понятия, то они никогда не вызвали бы тех возражений, какие высказаны в Тамбовской статье. Но то горе, что у него в них не субстанциями разумеется душа и ангел, когда называются они телом, а то что само естество их телесно и вещественно. А коль скоро так, то, конечно, и Вы сами согласитесь, что против этого нельзя не восставать. И борьба в том случае будет уже не против фантомов.

Потрудитесь просмотреть следующие выписки и проверить мой из них вывод.

«Слово о смерти», стр. 1. «Мы слагаем с себя нашу грубую оболочку — тело, *душевым* существом, тонким *эфирным*, переходим в другой мир, в обитель существ однородных душ». И так существо души *эфирно, иначе вещественно*, — вещественно и естество ангелов однородных душе.

Там же, стр. 11. «Ангелы и души, хоть и очень тонки по существу своему, однако, при всей тонкости своей, суть тела. Они тела тон-

кие — *эфирные*, так как, напротив, наши земные тела очень вещественны и грубы». Вот и здесь ангелы и души по существу их названы телами тонкими — эфирными. Следовательно, существо их признается вещественным³⁴.

Прибавление к Слову о смерти, выпуск 10. Против тех, которые допускают, что всякий дух, т. е. совершенно невещественная субстанция, облечен тонким телом, сказано: «Отцы не признавали духов облеченных в тело, но самое существо их признавали тонким телом». Значит — признается, что в естестве духов ничего нет невещественного: они эфир и больше ничего.

Там же, стр. 44. Из того, что по выходе души из тела, тело начинает разлагаться, выводится, что душа вещественна: «разложение вещества, по законам химии, не иначе может совершиться, как отделением от него одной или многих составных частей его. Здесь — *указание науки на вещественность души*: отделение чего-либо невещественного, отвлеченного не произвело бы на вещество такого влияния».

Итак, по взгляду преосвященного Игнатия: естество души и ангелов вещественно, хоть это вещество признается тонким, эфирным. Кто-то подумал, что вещественное-эфирное у ангелов и душ есть только их оболочка, а само ангельское и душевное естество есть дух — невещественная субстанция. «Нет-нет, — говорит — ничего у них нет невещественного. Все тело — эфир, и больше ничего.

Эта мысль и доказывается с настойчивостью в *Прибавлении к Слову о смерти*; а не та, что ангел и душа суть существа самостоятельные, с другими несмешиваемые. Против этого стоит вооружиться. Ибо то, что вещественно не может мыслить, не может быть свободно, не может иметь сознания, являть страх Божий, совесть и отрешение от всего. Не может ничего такого являть и ангельское и душевное естество, если оно вещественно. Но как оно являет, то, настаивая на вещественности их естества, надобно явления те производить не из их естества, а от инуды. Тогда все духовные явления у нас и ангелов будут или следствием органического строя тела, или проявлением непосредственного Божеского действия. Первое есть буюхнеровщи-

---

³⁴ *Написано на полях.* Стр. 13. в оп. 593. Ангелы и души называются бесплотными потому только, что не имеют нашего грубого тела, а по существу своему они суть существа вещественные только вещество их несравненно тоньше вещества предметов земных, нами видимых. Так сущность ангелов и душ — вещество, которое хоть тоньше грубого вещества, но все же вещество.

на; второе — гегелевщина: две неизбежности при учении о вещественности естеств ангелов и душ. Стоило ли вооружаться против такого учения? Конечно, стоило.

Именно Тамбовская статья³⁵ и вооружается против него. Она поставила себе задачу разобрать подробно все доказательства вещественности души и ангелов, приводимые в *Прибавлении к Слову о смерти*, чтоб открыть, доказывают ли они то, что обещают доказать. Общий вывод из этого рассмотрения тот, что все приводимые означенным прибавлением доказательства вещественности души и ангелов не доказывают. И что, напротив, теми же источниками, откуда оно брало свои доказательства, представляются сильные доказательства противоположного, т. е. невещественности и духовности естества ангелов и душ.

Ход рассмотрения такой:

Прибавление к Слову о смерти хочет доказать свою мысль Писанием, св. отцами и умственными соображениями. Тамбовская статья берет приводимые доказательства из Слова Божия, разбирает их и делает вывод, что они своего предмета не доказывают; потом приводит другие места Писания, доказывающие, что душа и ангел есть дух (см. стр. 53–74). Берет она потом свидетельства св. отцев, приводимые *Прибавлением к Слову о смерти*, разбирает их и делает вывод, что приводимые свидетельства из отцев не доказывают вещественности души и ангела, напротив — другие места тех же св. отцев доказывают, что душа и ангел суть чистые духи невещественные (стр. 74–139). То же потом делает Тамбовская статья и в отношении умственных соображений *Прибавления к Слову о смерти* (стр. 139 и далее). Опроверяемые мысли везде братья из *Прибавления к Слову о смерти* и цитовано, на какой странице находится то, что опровергается.

Вы сказали, что Тамбовская статья приводит одну или две строки из преосвященного Игнатия, богословствуя сама от себя. Вас ввело в заблуждение то, что Вы имели в виду *Слово о смерти*, а Тамбовская статья имела дело с *Прибавлением к сему Слову*, а из *Слова о смерти* взяла только несколько строк при разборе соображений умственных. Речь сию веду к тому, чтоб предложить: потрудитесь

---

³⁵ [3].

просмотреть Тамбовскую статью по тому порядку, какому она следовала, имея под руками и *Прибавление к Слову о смерти*. И делайте заметки, в чем неправа Тамбовская статья.

Только таким образом Вы разорить можете все, что она настроила и отстоять мысли *Прибавления к Слову о смерти*. Скучно это. Что делать? Зато уяснится дело. А такими общими взглядами, как у Вас, мы ничего не сделаем и только тянуть будем один в одну сторону, а другой в другую. Надо обрезать нити, которыми противная сторона тянет к себе, чтоб перетянуть. Тамбовская статья думает, что она обрезала все нити, которыми Вы тянете дело на свою сторону. Если хотите опять перетягиваться с сею статьею, то приложите опять свои ниточки с противоположной ей стороны и обрежьте сии нитки. Тогда Ваша сторона потянет.

На этом только условии и можно вести беседу; и труд этот будет стоящий, а не пустой.

Если вздумаете пересматривать Тамбовскую статью, потрудитесь наперед исправить опечатки: они так велики, что во многих местах выходит то бессмыслица, то совсем не тот смысл. И чтоб не тратить труда и времени, не читайте сначала, а беритесь прямо за рассмотренные доказательства — с 53 стр.

Прибавляю еще одну-другую заметку. У св. отцев и между учеными богословами о естестве ангелов и душ одна мысль, что оно не вещественно, духовно; но об образе бытия их есть две мысли: одни полагают, что ангелы и души, будучи не вещественными и духовными в естестве своем, по внутренней своей природе, совне облечены тонким ефирным телом [Кассиан, напр., говорит: имеют тело и проч.]; а другие учат, что ангелы и души не имеют сей оболочки, а суть чистые духи сами в себе, не вещественные. Ваше мнение есть третье — что считаемое оболочкою и есть самое естество и больше ничего нет в душе и ангелах. Если б в учении *Прибавления к Слову о смерти* утверждалась мысль, что голова, туловище, руки, ноги и проч. в ангелах и душах есть только внешняя, придаточная сторона, как орудие для сношения с внешним миром, само же естество их внутреннее, их субстанция и личность, есть чисто духовного свойства; то с этим спора не было бы. И про это сказано в Тамбовской статье: мы так, а вы так. Спор идет против того, будто естество ангелов и душ — все сполна вещественно: ефир и больше ничего.

Когда утверждается, что душа и ангел суть дух; то этим не отвергается их самостоятельность, не смешиваются они с другими предметами, не представляются и исчезающими в неопределенности. Но они признаются самостоятельными существами, реально существующими между другими существами способными на них действовать и могущими от них принимать воздействие. Что есть дух непонятно; но очень понятно, что он не веществен. Ибо проявляет свое бытие в таких действиях, которые вещество, сколько бы тонким его ни воображать, проявлять никак не может.

Вы все употребляете слово *тело*. Извольте везде ставить вместо его *вещество*. Как с словом тело можно, вслед за Тертуллианом, понимать — *субстанцию*, то это будет кривить наши точки зрения. У преосвященного Игнатия та мысль доказывается, что ангел и душа — вещественны. Тамбовская статья вооружается против сей вещественности. На этом пути и должна быть у нас битва. Се Малахов курган.

На первый раз ограничусь этим. Спасайтесь и о мне Бога молитесь.

Всех Вам благ от Господа желаю. Ваш богомолец епископ Феофан».

Архив Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне. Ф. свт. Феофана (Говорова).

Оп. 24. Д. 43. Ед. хр. 4370. Л. 1–3 об.

22 января 1869 г.

Письмо игумена Антония (Бочкова) епископу Феофану

«Высокопреосвященнейший Владыко, Милостивейший Отец и Архипастырь!

Нижайше благодарю за милостивый отзыв Вашего Преосвященства на мое письмо. Я не смел ожидать Вашего ответа, думая, что если Вы нашли в Тамбовской книжке нечто, не утверждаемое самими Вами, то не желаете это объявить и по высоте Вашего сана и чтобы не подать незнакомому человеку оружие противу себя. Но Вы изволили смиренно сознаться в некоторых излишних выражениях, а это смирение и благословение Ваше подают мне смелость к беседе с Вами. Первее всего скажу свое собственное мнение об ангелах. Я признаю, что ангел есть дух, имеющий свойственный ему вид, все подобающие ему духовные способности: ум, волю и про-

чее; но какова его субстанция, что такое его тело — не знаю. Если скажу: огонь, свет неземный, вышеестественный — то все это будут одни слова, а не определение, невозможное при таком отвлеченном предмете. Но способности духовные не приписываю ни свету, ни эфиру, т. е. волю, святость и все умственные способности, данные от Святаго Духа ангелу-духу; эти дарования, наследие небесное, образ Божий — выше нашего разумения являются в действиях ангелов. Они не смешаны, по Гегелю, с сущностью Божества (тогда мы и все одушевленное будем только автоматы, а дух всемирный нашим суфлером и двигателем), но, по Бюхнеру, сочетание непостижимых начал и причин, само собою происходящих и все производящих. И говорить бы я не стал об этих софистах, если б Вы сами о их учении с опасением не упомянули. Мне чуждо их учение.

Признаю места и чины небесных иерархий, основываясь и на предании, и на Евангельских словах: *в дому Отца Моего обители многи суть; иду уготовати место вам. И аще уготовано место вам, паки прииду и поиму вы к Себе, да идеже есмь Аз, и вы будете* (Ин. 14:2–3).

Если прославленное тело Богочеловека имеет место, то и ангелы имеют места. Не могу согласиться с теми богословами, которые отнимают у ангелов и места, и вид, и всякие измерения. Форма есть непрменная принадлежность всего сотворенного из ничего. Один Бог невидим. Сотворенное из ничего должно при сотворении получить свой образ — иначе оно опять ничто и снова обращается в ничтожество. Вот мое мнение. Таково должно быть и мнение пр. Игнатия, хотя я ему не навязываю своих мыслей, ибо могу ошибаться. Если он, как епископ Православной Церкви и деятельный богослов, говорит прямо, что ангел есть тело, то непременно под телом разумеет все принадлежащее одушевленному и осмысленному существу, каков есть ангел. Тело в смысле пр. Иг. есть то же, что и в понятии Тертуллиана и всех физиков — все видимое, все существующее. Если б сам усопший Святитель сказал мне, что ангел есть просто одно тело, то я ответил бы: „Вы шутите, Ваше Преосвященство, Вы нас испытываете, Вы хотите, чтобы мы сами дополнили своими соображениями то, что у Вас сказано просто“. Хотя бы четверть книг его, не только несколько строк выписали, я не соглашусь с приговором Тамб. критика. Пусть он кладет эти строчки на свои весы и сам становится на них с личным своим мнением с тяжестью своих

доказательств — я на другую сторону весов ставлю здравый смысл Преосвященного, всю его жизнь и учение и не могу допустить, что бы он в здравом уме мог сделать такую грубую, детскую ошибку, какую ему приписывают. Выставлять отдельно несколько строк — значит уловлять в *словеси*. А это богослову не подобает творить, чтоб и над ловителем не сбылось слово: *в нюже меру мерите — возмерится вам*³⁶. Я уверен, что если бы Ваше Преосвященство были в этом споре посторонним свидетелем и безучастным судьей, то сами бы согласились со мною, как отчасти и соглашаетесь в конце Вашей книги. Для шутки скажу: знаю я тело такое, эфирное, облеченное в тончайшую оболочку, возносящееся выше воздуха, не боящееся молний небесных. — Что это? Ангел ли? Нет; это просто аэростат, которого шелковая оболочка отводит электричество. Ангел имеет в своем теле ум и в церковных книгах называется *Умом*. Ужели этого не знал пр. Игнатий и отнял эту способность у своего ангела? Наивно такое предположение.

Еще критику должно быть известно, что слово: вещь в славянском языке имеет обширнейшее значение, нежели в русском. Под словом вещество разумеется иногда все сотворенное.

Добавлю несколько слов о душе человеческой. В ней при духовности есть нечто особенное. Тело наше в среднем возрасте весит около 4-х пудов приблизительно. Если душа, по Бержье, есть только нечто умственное, неосязаемое, невидимое, невесомое, неизмеримое — то как она поднимает, носит, движет такую тяжесть и при усилиях поднять может до 12 пудов, втрое более весу противу своего тела? В душе (кроме ума) есть великая, непостижимая сила, и теплота, и свет, нам самим доселе мало известные. Прошу принять и это к соображению. Я согласился в листках моих с Тамб. книгою в том, что *она* или *автор ее* (боюсь проговориться!), верно, подметил неточные выписки и указания пр. Игнатия на отцев Церкви. Согласен признать в авторе великую богословскую начитанность и знание догматические. Потому излишне мне подтверждать это новыми изысканиями. Жалко только, что все эти критические военные запасы устремлены неведомо с какою целию на книгу безответного, усопшего Святителя. Не понимаю, почему словам его ни один из ду-

---

³⁶ Мф. 7:2.

ховных лиц не сказал ни единого слова одобрения. В словах пр. Иг. нет лжепророчества, а *дух истины, его же мир не можете принять*³⁷; может быть, потому нет и похвалы от философов мира сего. Положим, что и он мог ошибаться, но как ошиблись те, которые приписывают ангелам какое-то воплощение и разоблачение и, называя их реальным существом, не потрудились сделать анализа, какими это путями безвидное и безграничное не смешано с другими существами? Но лучше бы сделал усопший Святитель, если б (повторю слово моих листков) оставил свои эфиры, газы, Лавуазье и всю лишнюю ученость. В книге, назначенной для общего чтения, все это вовсе излишне. Если Церковь не определила в подробности, что такое ангел в сущности своей и наука не знает, что такое душа, то не лучше ли бы оставить все по тому изыскания. Окончу мое письмо четверостишием своего изделия.

„Есть в богословии, в учении пробелы —
Мы нашей логикой дополнить их хотим.
Не лучше ли сказать: *Здесь для ума пределы,*
Здесь тайна Господа: смиримся перед Ним“.

Книжку Вашу здесь достать трудно, особенно мне, почти в затворе живущему. Я брал ее на подержание у священника Феофиловой пустыни; ему она привезена барином-странником Безгиным. Продержавши несколько дней, я ее возвратил. Потрудитесь указать, где можно ее купить в Петербурге?

Испрашивая себе и прощения, и благословения, и святых молитв Ваших, с глубочайшим почтением остаюсь Вашего Преосвященства нижайшим послушником многогрешный игумен Антоний».

Архив Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне.

Ф. Свт. Феофана (Говорова).

Оп. 24. Д. 43. Ед. хр. № 4370. Л. 17–18 об.

Начало октября 1869 г. Из письма игумена Антония (Бочкова) к Петру Ивановичу Саломон и его жене Поликсене Васильевне³⁸

«Теперь начинается новый спор о „Слове о смерти“ и ангелах, начатый, к несчастью, после смерти автора. Я уже не утерпел и написал преосвященному Феофану мои маленькие замечания. Закончил

---

³⁷ Ин. 14:17.

³⁸ Саломон Поликсена Васильевна (1824–1909) — дочь вице-адмирала В. М. Головнина, супруга П. И. Саломона, благотворительница Оптиной пустыни, пользовалась духовными советами оптинских старцев.

их стихами своего издания (переписка началась недавно):

*Есть в богословии в науке есть пределы:
Мы нашей логикой дополнить их хотим
Не лучше ли сказать; здесь для ума пределы
Здесь тайна Господа. Смирись же перед ним.*

Нет. Преосвященный Феофан пишет уже 2-ю книжку; на первую уже написано маленькое возражение и двустихие:

*Вот напечатана в Тамбове чья-то книжка
И в ней доказано, что Ангел есть пустышка.*

Существо, не имеющее ни вида, ни измерений, ни места может приняться верой, но доказательств на такое существование наш ум принять не может, а, между тем, преосвященный Феофан вооружается всею силою диалектики и богословия для поражения *безответного соперника*, которому, как видно, очень завидует. И о сем довольно. Кажется, и не время толковать о духах, чтоб не уподобляться грекам, которые догматствовали в годы обложения Царе-града <...>».

НИОР РГБ. Ф. 213. К 56. Ед. хр. 42. С. 25–26.

Октябрь 1869 г.

Из письма игумена Антония (Бочкова)³⁹

«Я писал Вам, что из-за „Слова о смерти“ отнесся с малыми возражениями к преосвященному Феофану. На два письма получил ответ, на два не было. В „Домашней беседе“ в 20-ти номерах⁴⁰ тянулась схоластическая нить мнимых доказательств о невидимости и бесформенности и бестелесности духов. Епископ схоластик забыл справиться с апостолом Павлом и с известными его словами в Послании 1 к Коринфянам гл. 15, ст. 39 и далее, что есть тела душевные и духовные, и пропустил это нарочно. Так же или забыл справиться с Иоанном Дамаскиным. Сей писатель, схоластик также, говорит слово в слово с преосвященным Игнатием („Православное исповедание“, изд. 7, стр. 209 и 210). „Ангел, душа и демон хотя не имеют телесной грубости, но также имеют вид и пределы, свойственные их

---

³⁹ По-видимому, это письмо адресовано одному из насельников Введенской Оптиной пустыни.

⁴⁰ [7].

природе. Одно Божество того не имеет. Ангел, душа и демон в сравнении с Богом — единым несотворенным — суть тела, а в сравнении с вещественными телами бестелесны“. Книжка „Православное исповедание“ есть вселенский катехизис, изданный патриархами, следовательно имеет более весу, нежели мнение петербургского ректора.

В конце моего письма, оставшегося без ответа, я говорю, что не хотел бы начинать *пакипрения*, но не могу и молчать, чтобы не показаться убежденным „Домашнею беседою“, и осмеливаюсь предложить его преосвященству: не угодно ли ему будет свое учение поверить мнениями современных богословов и отдать это на их суд. Таким смирением мог бы он подражать святому апостолу Павлу, поверявшему свое учение судами других апостолов. И если Симеон Столпник из послушания, испытываемый отцами, сошел со столпа, то и его преосвященству не унизительно будет сойти с высоты богословской для проверки своего учения.

Преосвященный забыл также и то, что *душа*, которую он представляет только умом, имеет кроме ведения и чувства любви, радости, блаженства, гнева страдания, мучения, а это принадлежит не одному словству, но чувственной несловесной части души.

Вот Вам мое мнение. Может быть, некоторые из читателей „Домашней беседы“ убедились длинными доказательствами, но этот облак свидетелей (как там говориться) разгоняется лучом апостольских слов: *есть тело духовное*. И святого апостола Павла я ставлю выше всех приводимых свидетелей».

НИОР РГБ. Ф. 213. К 56. Ед. хр. 42. Л. 170 об. — 171 об.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 161. II–9. Оп. 46. Д. 19. Ч. 2.
2. Институт рукописей национальной библиотеки Украины. Ф. 193. Ед. хр. 98.
3. Душа и ангел — не тело, а дух. Против брошюр: «Слово о смерти» и «Прибавление к слову о смерти». Тамбов: Тип. А. А. Студенецкого, 1867. — 182, III с.

4. *Игнатий Брянчанинов, святитель*. Творения: Письма. М.: Изд. «Лепта», 2002.
5. Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова. Том VII. М.: Паломник, 2007
6. Слово пред отпеванием профессора философии Василия Николаевича Карпова, сказанное ректором С.-Петербургской духовной академии протоиереем И. Янышевым. СПб., Тип. Департамента Уделов издания, 1868.
7. *Феофан, епископ*. Душа и ангел не есть нечто телесное, а чистый дух // Домашняя беседа. СПб., 1869. Вып. 1–15, 18–21.
8. *Филарет (Дроздов), митрополит*. О стологании: выписка из письма от 29 октября 1853 года. М., 1853.